

Содержание

Содержание.....	3
Апельсинки.....	5
Баба Зина.....	20
Бублик.....	32
Вишневое варенье.....	46
Девятый вал.....	65
Единственная моя.....	75
Забор.....	93
Камешки.....	105
Колесо.....	124
Любовь дарящие.....	139
Мама Катя.....	153
Мачеха.....	173
Мегера.....	189
Муськины дети.....	207
Не работай страусом!.....	220
Отложенная жизнь.....	234
Памятка.....	249
Петрович.....	264
Светлый ангел летел.....	277
Свое место.....	289
Яша, вынь палец из носа!.....	308

АПЕЛЬСИНКИ

— Мария, я не знаю, что я с тобой сейчас сделаю!
Что это такое?!

Крик матери застал Машу врасплох. Почему она так рано? На работе же еще должна быть!

Кисточка дрогнула в руке, и Маша тихо чертыхнулась. Громко — нельзя! Мама и так ругается.

Из коридора неслись уже недвусмысленные угрозы.

— Будешь у меня посуду мыть год без перерыва!
Нет, два! И полы! И окна! И вообще будешь вести все домашнее хозяйство! Да что же это такое-то?! Где ты лазила?

Где-где... В парке. Там, конечно, после недели дождей все развезло, но не могла же она Лешку отпустить одного с этой выдрой Светкой! Еще чего! Потом парня не досчитаешься! А ведь только-только все наладилось. Сколько времени она, Мария Владимировна Миронова, страдала? Почти месяц! Он вообще на нее внимания не обращал! Смотрел как на пустое место. Обидно! Разве она хуже Светки? Да, у той шмотки получше и телефон новый, но и ей мама совсем недавно заветную коробочку подарила. Не айфон, конечно, но тоже хороший аппарат. Камера — вообще огонь! Именно после фотографий, которые ей Алиса сделать помогла, Лешка ее и заметил. Фотки она показала Светке, а та уже про-

демонстрировала их Алексею. Да не просто так, а при Маше. Может, не такая уж она и выдра...

— А ты красивая!

Лешка разглядывал ее так, словно видел в первый раз.

И никакого тебе обычного: «Рыжая-бесстыжая!»
Красивая она! Вот!

Просто музыка, да и только. Такой роскошный органнй аккорд, который звучит долго и мощно, а потом затихает, дергая каждую ниточку души. О! Ничего себе загнула! Надо записать, пока не забыла. Может, пригодится для какого-нибудь сочинения. Елена Петровна говорит, что у нее неплохо получается. Ошибок много, но стиль уже есть, несмотря на возраст. Талант!

Эх, мама бы еще все это разглядела! А то примчится с работы, как ведьма на помеле, и давай ценные указания раздавать. Никогда не выслушает сначала.

Ну да, не успела Мария кроссовки помыть и в коридоре сейчас картошку сажать можно, но это же не повод для бури в стакане воды. Тоже хорошее выражение, жаль, что у кого-то уже было. Не, нам плагиат не нужен. Лучше свое.

Маша отодвинула от себя испорченный рисунок и вздохнула.

Лучше сдаться. Покаяние всегда облегчает понимание. Как там бабушка учила?

— В угол, на нос, на предмет! А с мамой еще и глаза долу. Вот тебе и весь секрет. Помнишь, как там? Подчиненный...

— Да помню. Ба, так лихой или придурковатый вид иметь лучше?

— Оба хороши в меру и в нужное время.

— Петр Первый умный был.

— И ты туда же! А еще внучка историка! Не было такого указа. Это, как там у вас сейчас говорится... Фейк? Вот, он самый! Еще раз эту глупость повторишь и будешь архивы разбирать за меня отсюда и до обеда! Поняла?

— Бабуля! Дед тебе на пользу не пошел! Ладно он генерал, но ты-то куда? А главное, зачем? У меня мама командует так, что ей уже давно пора дивизию доверить. Поэтому хоть ты не начинай, а?

— Ладно, ладно. Не пыхти! Я тебя люблю! И мама любит! А командует... По статусу ей положено. Я тоже командовала, когда она в твоём возрасте была. А дед ее учил картошку чистить. Так и говорил, что стыдно ему, что дочь неумехой растет.

— Так вот почему она меня все время это делать заставляет?!

— А что? Полезный навык! Свекровь твоя будущая потом спасибо скажет. Решит, что ты экономная и умелая хозяйка. Плохо, что ли?

— Ага! Что-то я от бабушки Иры такого в мамин адрес не слышала. Наоборот, все время ворчит, что мама ничего не умеет.

— Пусть ворчит. И вообще, у себя дома пусть делает что захочет. Главное, чтобы на маминой территории она себе такого не позволяла.

— Нет, это она мне говорит, когда я в гости забегаяю. Зачем только — не знаю. Алиса говорит, что ее бабушка с папиной стороны тоже так делала. Это что, такое небольшое помешательство? Внучкам втолковывать, что мать не такая?

— Снова глупости говоришь! Я когда-нибудь такое себе позволяла? Невестку ругать?

— Нашу Алиску? А ее-то за что ругать?

— Вот тебе еще один урок на будущее: повод иметь не обязательно. При желании его всегда найти можно. Другое дело, нужно ли его вообще искать. Машка, чем меньше ты ругаешься с близкими, тем лучше тебе самой. Выплеснуть свое раздражение — дело нехитрое. Только слова, девочка моя, такая зараза липучая... Ты себе даже не представляешь пока насколько! Ляпнула что-то в обиду или гневу и пошла по своим делам. А слово осталось. Потому что ты его забудешь скорее, чем тот, кому оно было сказано. Ведь обидно-то не тебе, а ему будет. И вот посидит этот человек, подумает, и словечко то расти начнет. И будет это делать до тех пор, пока всю душу шипами не разбередит. Хорошо это?

— Плохо! Бабуля, тебе книжки писать надо! Воспитательные!

— Вот еще! Мне тебя хватит!

Вспомнив бабушкины наставления, Маша мельком глянула на себя в зеркало, пригладила вихры и выглянула в коридор.

— Mam?

— О, явление! Здравствуй, дочь дорогая моя! Пришла, чтобы рассказать мне, в каких полях тебя носило?

Вид мамы не сулил Маше ничего хорошего. Она стояла посреди коридора, держа в одной руке Машины кроссовки, а в другой тряпку. Жирный кусок чернозема отклеился от подошвы и, влажно причмокнув, шлепнулся на пол.

Маша меланхолично проследила траекторию полета и решила, что сейчас самым лучшим выходом будет тактическое отступление.

— Давай я! И пол помою! Тут и на кухне!

— Ты и на кухню успела в такой обуви прогуляться? Мария! — голос мамы зазвенел так, что Маша заткнула уши.

— Не ори!

— Что?! Что ты сказала?

Нина Михайловна Миронова смотрела на дочь так удивленно, что та даже растерялась.

— Прости, мам! Я не хотела!

Что надломилось в ней в тот момент, Нина не поняла сначала. Она молча сунула кроссовки в руки Маше и как была, в туфлях, прошла к себе в комнату, очень осторожно закрыв за собой дверь.

«Не ори!»

Сколько раз слышала она эту фразу от Машиного отца? Сейчас и не вспомнить. Нина зажимала угол подушки зубами, чтобы не разбудить маленькую Машку, и терпела. А потом замазывала синяки перед тем, как идти на работу. Они появлялись нечасто, ведь бывший муж Нины точно знал, как сделать так, чтобы следов не оставалось. Нет доказательств — нет проблемы.

Огромной проблемы, страшной. Нина тогда только-только похоронила отца, и тот, кого она когда-то называла любимым, знал, что жаловаться она никуда не пойдет. Потому что некому больше. Мать — одуванчик полевой, а больше родственников, кроме брата-подростка, у Нины не было.

Нина усмехнулась. Недооценил он тогда ее маму. Любовь Николаевна Миронова была не только женой генерала, но еще и дочерью полковника, который дошел до самого Берлина. Спокойная и мягкая внешне, внутри она была из такой закаленной стали, что горе было тому, кто попытался бы обидеть ее саму или ее детей. И если себя Люба еще могла бы простить, то детей — никогда.

Она всегда была очень хлебосольной и с радостью принимала тех, кого приводил в дом муж. Знала, что супруг в выборе друзей никогда не ошибается. А потому,

когда его не стало, ей стоило только открыть старенькую записную книжку, и уже через неделю после того, как она увидела первый синяк у дочери, а та отвела глаза, не ответив на заданный вопрос, зять Любы стал бывшим и был выдворен из столицы с четким запретом. Не приближаться к бывшей уже жене и маленькой дочери.

Нину она ни словом не упрекнула после. Знала за собой один грех. Всегда любила дочь так, что дышать на нее боялась. А нужно было чуть иначе. Дать силу, научить крепко стоять на своих ногах. Чтобы никто... Никогда...

Да только знать бы хоть что-то заранее... Ведь думала, что отдали девочку в хорошие руки. Это был единственный раз, когда отец Нины ошибся. Не разглядел того, кому доверил самое дорогое. И Люба знала — это потому, что и он свою девочку любил так, что готов был сделать что угодно, лишь бы она была счастлива. И ее глаза, синеющие от радости, как море в полдень, стали для него главным признаком того, что выбор Нины верен. А оказалось...

Нина приходила в себя медленно. Словно выныривала из болота, то и дело пытаясь снова спрятаться там, залечь на дно, чтобы никого не видеть. И Люба тянула дочь, заставляя дышать, смотреть по сторонам, видеть снова себя и своего ребенка. Слишком дорого обошелся ей опыт недолгой семейной жизни. Маше было всего три, когда женщина оформила развод и стала свободной. Муж ее ни на что претендовать не стал. Маша осталась с матерью. Угрозы, которыми он сыпал до развода, не имели последствий.

Люба знала, что это заслуга лучшего друга отца Нины. Маститый, известный в столичных кругах юрист, просто не мог позволить себе потерять репутацию на таком пустячном, в свете его практики, деле.

Они справились. Очень медленно, осторожно, но Нина оставила за спиной все, что было, и начала строить свою жизнь заново.

И вот! На тебе! Любимая дочь выдает такое, что сердце на мгновение остановилось, дало сбой, а потом застучало чаще, барабанил прямо по нервам. Что это было? Случайная оговорка или отголосок... Как там? От осинки не родятся апельсинки? Да нет! Не может быть!

Нина, стиснув виски пальцами, стояла у окна и пыталась успокоиться.

А Маша в это время мыла пол в коридоре. Ей было стыдно, конечно, но не слишком. В конце концов, она тоже человек и сколько можно уже на нее кричать?! Хотя... Мама-то была, конечно, права, да и голос повышала редко. Но лучше же вообще так не делать? Что она как маленькая? Ее ругает, когда Маша выходит из себя и повышает голос, а сама?

Закончив с полами и вымыв кроссовки, Маша заглянула к матери.

— Мам? Ты голодная?

— Нет.

— А я голодная.

— Суп в холодильнике. И котлеты тоже. Вперед. Не маленькая уже.

Маша нахмурилась. Приплыли! Мама обиделась. И, похоже, всерьез. Тут без тяжелой артиллерии не обойтись. Придется звонить бабушке. Та, конечно, устроит Маше выволочку, но хотя бы подскажет, что делать.

Но бабушка оказалась занята.

— Быстро дуй ко мне! Помощь нужна!

— Ба, я не могу! Мама сердится.

— Поругались?

— Ага.

— Тогда еще быстрее дуй! Будет вам повод для примирения.

Что имела в виду бабушка, Маша поняла, когда, тихо спросив у матери разрешения и не получив в ответ ничего, кроме холодного кивка, промчалась два квартала и, перепрыгивая через ступеньку, поднялась на третий этаж. Дверь оказалась не заперта, и Маша подумала, что маме хватило бы этого повода, чтобы еще и бабушке устроить головомойку. Мыть там, правда, было уже почти нечего. Бабушкина голова была украшена ультрамодной стрижкой почти под ноль, но Маша приходила от этого в полный восторг. Она подарила бабуле на день рождения крупные броские серьги и хохотала, глядя, как та вертится перед зеркалом, напевая: «Цыганка с картами, дорога дальняя...»

— Ба, я пришла!

— Очень хорошо! Иди сюда!

Котенок лежал на стареньком байковом одеяле, под которым когда-то спала Машина мама.

— Что скажешь? — бабушкин вопрос не предвещал ничего хорошего.

— Где ты его взяла?

— Купила!

— Как это? — Маша растерялась.

Котенок вовсе не выглядел предметом для товарно-денежных отношений. Тщедушное, заморенное существо, грязно-рыжего, кажется, цвета. Окрас котенка разглядеть было сложно, настолько он был грязным. Глаза его, опухшие, покрытые какими-то струпьями, были плотно закрыты. Да и дышал он с трудом.

— Пошла сегодня в магазин за хлебом... — зловеще начала бабушка, и Маша охнула.

Ну конечно! Бабушка же просила ее забежать после школы за свежим хлебом в соседнюю пекарню, а Маша

совершенно забыла об этом. Еще бы! У нее ж были дела поважнее...

— Бабуля...

— Молчи, грусть! Об этом позже. Так вот. В нашем магазине свежего хлеба не было, и я решила прогуляться до пекарни. И что я вижу? Стоит какой-то прохиндей, лет этак семи от роду, и слезно умоляет купить котика! Я его спрашиваю, а почему, собственно, покупать надо? А он мне отвечает, что без денежки отдавать нельзя. Вдруг я его потом выкину. А денег мне жалко будет. Какое, а? Целых сто рублей за него отвалила! Было бы за что... Маша, нам нужен ветеринар! И какая-нибудь еда для таких тщедушных созданий. Я совершенно не уверена, что он выживет. Но попробовать-то стоит?

Маша легонько тронула котенка, но тот никак не отреагировал на прикосновение.

— Ба, а он живой вообще?

— Пока да. Но времени, думаю, у него немного. Машка! Прекращай уже ахать и думай, куда податься! А еще лучше — забирай его и чеши домой! Покажи матери. Она хоть и человеческий, но все ж таки медик. Глядишь, что и придумает. Заодно и помиритесь. Господи, когда ж вы уже поймете, что у вас никого, кроме друг друга?

— Есть еще вы с бабушкой Иррой.

— Мы есть. Это да. Никуда не делись пока. Но мы же не вечные, Маша. А ближе мамы человека на свете просто не бывает. Не рвите эту связь! У тебя возраст сейчас такой, вздорный и неразумный. Мозги если и появятся, то позже. Шучу! Я в тебе нисколько не сомневаюсь. Ты девочка у нас умненькая. Подростки все такие — чуток не в себе.

— И мама такой была?

— А как же! Это сейчас она знает, как надо, а тогда... Ох, и досталось нам с дедом! Ему-то хорошо было. Умывает на свои учения — и трава не расти. А я тут с ума сходила. Всякое бывало. Не мне тебе об этом рассказывать, конечно, но ты должна понимать, что мама ведь тоже не с Луны свалилась и не с бородой родилась. Все проходила то же, что и ты. А потому понимает тебя, пусть и отчасти в силу возраста. А ты помоги ей немножко. Колючки спрячь. Пусть не все и не всегда, но все-таки. Умение себя контролировать, Машка, великая вещь! Очень потом в жизни тебе пригодится. Как и понимание того, что родным больно сделать куда как проще, чем чужим. Уж поверь мне.

— А как мама чудила, когда такая, как я, была?

— У нее спроси!

— Ну, ба!

— Ладно. Все не буду рассказывать, а один эпизод поведаю. Мало ли, вдруг ты тоже придумаешь покурить попробовать.

— Не придумаю! Мне не нравится запах! И целоваться потом неприятно! Как с пепельницей!

— Мария! Что я слышу?!

— А что такого я сказала? Разве это неправда?

— Ты сама пробовала?

— Бабуля, не начинай! Не нужно понимать мои слова так буквально! Так что там с мамой?

— А ничего. Дед твой как-то ее поймал у подъезда с сигаретой. Представляешь, какая дурочка? Нет бы за углом где-нибудь втихаря с подружками, а она пристроилась на лавочке вечером, думая, что отца дома нет, а я не увижу, чем они там занимаются. Темно же. Она тогда во вторую смену училась и приходила зимой, когда на улице уже совсем темно было. Я не встречала, как она тебя.

Школа во дворе, считай, да и не ходили они с подружками поодиночке. Всегда толпой. Вот и на лавочке тогда сидели всей своей веселой компанией. Как же! Попробуй выделиться из стада!

— И что дед?

— Промаршировал мимо, сделав вид, что не заметил. А потом открыл дверь подъезда и гаркнул так, что с козырька снег посыпался. Даром, что ли, командный голос вырабатывал? Вот и пригодилось. Девочек с лавки сдуло, а мать твоя поплелась домой, понимая, что будет буря.

— Была?

— Нет. Отец ее к себе в кабинет отвел, усадил в кресло и достал коробку настоящих кубинских сигар, которые ему кто-то подарил. Не знали, что он не курит.

— Зачем?

— Что зачем?

— Сигары достал?

— Чтобы дать прикурить маме твоей. Выкурить она даже одну не смогла бы, конечно. А вот прикурить для деда — запросто. Грамотная же, чего уж... Дед делал вид, что курит, а мама твоя становилась похожей на елочку. Зелененькая такая стала — хоть сейчас гирлянды на нее вешай! После третьей взвывала, а после пятой решила, что курение — это не ее тема. Как же ей было тогда плохо... Два дня я ее откачивала. Но после этого ни разу не видела, чтобы она курила.

— Бывает иногда. Когда нервничает сильно.

— Да ты что... Хорошо, что дед не знает о том, что его метод не сработал на долгосрочную перспективу, — Любовь Николаевна рассмеялась. — Бедовые вы у нас девицы получились! Ох, Машка, что с вами делать?

— Жалеть, любить, простить! Ба, спасибо!

— За что?

— За маму, за кота... За все! Я побегу, ладно? — Маша сгрэбла котенка вместе с одеялом со стола. — Только бы выжил!

Кот не просто выжил.

Маша с матерью помирились в тот же день и выходили-таки странный «подарочек», который превратился со временем в огромного, наглого, рыжего красавца, который, чувствуя себя единственным мужчиной в доме, бдительно следил, чтобы его покровительницы вели себя как положено.

Маша быстро отучилась грубить матери, ведь стоило ей ляпнуть что-то не то, как тут же появлялся Сенек, как нарекли кота, и принимался ее «воспитывать». Голосил Сенек, а в простонародье Сенька, громко и очень убедительно. А если Маша продолжала упорствовать, мог наподдать еще и лапой. Он не забыл, кто выхаживал его, таская в кармане халата и выпаивая молоком по часам. Нина ворчала, конечно, что завела себе еще одного младенца, но кота «вынянчила» и полюбила настолько нежно, что даже Маша иногда не выдерживала:

— Мама! Ты кота любишь больше, чем меня!

— Иногда да! — Нина показывала язык дочери и продолжала чесать пушистый рыжий бок.

Впрочем, Нине кот тоже не давал особо ругаться. Он начинал виться у ее ног, ласково трогая лапой и пытаясь успокоить.

— Транквилизатор ходячий! — Нина осторожно отодвигала кота с дороги и уходила на кухню пить чай, чтобы успокоиться. — Иди уже, заступник! Скоро бока в дверь не пройдут и у меня, и у тебя. У меня-то ладно, от сладкого, которым я нервы успокаиваю, а у тебя? Тебе

что успокаивать надо, что ты у меня еду выпрашиваешь каждый раз за свои заслуги?

Кот не отвечал. Он садился у своей миски и укоризненно смотрел на хозяйку до тех пор, пока там не появлялось ожидаемое.

Кроме того, у Сеньки оказался великий талант. Он хорошо чувствовал людей, и каждый Машин ухажер, который появлялся в доме, подвергался пристальному кошачьему анализу. И можно было не сомневаться — проведенная экспертиза была точна и безупречна.

Алексея кот забраковал почти сразу, как только Маша привела его познакомиться с Ниной. Испортив парню новые кроссовки, шестимесячный на тот момент нахал Сенька спрятался так хорошо, что Маша в слезах искала его не только по дому, но и в подъезде, и во дворе, думая, что котенок испугался и удрал, когда Лешка начал ругаться на чем свет стоит, не стесняясь даже Нины. Вылез Сенька из своего укрытия сразу, как только Маша вернулась домой, выслушав в свой адрес во дворе от Алексея много нового и интересного. Забравшись к ней на руки, кот свернулся калачиком и заурчал, не обращая внимания на то, что Маша возмущенно рассказывает матери.

— А ведь Сеня — умник, Маша! Сама подумай, как скоро Алексей твой показал бы тебе свое настоящее лицо? А тут нате — полюбуйтесь! Кроссовки жаль, конечно, но ничего, новые купит. Я ему деньги отдала.

— Он не мой... — Маша прижала к себе кота и всхлипнула. — Mam, а он мне нравился...

И они долго еще сидели потом втроем, обнявшись. И Маша чуть ли не впервые за последние пару лет говорила с Ниной так, как делала это когда-то в детстве. Не скрывая ничего и не боясь ляпнуть что-то лишнее.